

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАКТОВКЕ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ «ДИСКУРС», «КОНТЕКСТ», «СИТУАЦИЯ»

Е. И. Морозова, докт. филол. наук (Харьков)

В статье показано, что термин «дискурс» наполняется тем или иным содержанием в зависимости от трактовки природы фона, частью которого является речь. Для этого сопоставлено содержание лингвистических терминов «ситуация» и «контекст», систематизированы подходы к пониманию природы ситуации, выявлены принципы ее моделирования в структурной и функциональной парадигмах, представлены модели отдельно взятой, типовой и «жизненной» ситуаций.

Ключевые слова: дискурс, контекст, модель, ситуация

Морозова О. І. Світоглядні паралелі у тлумаченні змісту термінів «дискурс», «контекст», «ситуація». У статті показано, що термін «дискурс» наповнюється тим або іншим змістом залежно від тлумачення природи фону, що його частиною є мовлення. Для цього співвіднесено зміст лінгвістичних термінів «ситуація» та «контекст», систематизовано підходи до розуміння природи ситуації, виявлено принципи її моделювання у структурній та функціональній парадигмах, представлено моделі окремо взятої, типової та «життєвої» ситуацій.

Ключові слова: дискурс, контекст, модель, ситуація

Morozova E. I. World Outlook Parallels in Interpreting the Content of the Terms “Discourse”, “Context”, “Situation”. This article shows that the content of the term “discourse” depends upon the way of understanding the nature of the ground against which speech is considered. In order to achieve this end, the content of linguistic terms “situation” and “context” is correlated, approaches to treating the nature of the situation are systematized, the principles of situation modelling in the structural and functional paradigms are established, the models of particular, typical and “life” situations are presented.

Key words: context, discourse, model, situation

Познавательная деятельность человека в известном смысле сродни творчеству скульптора, который, отсекая «ненужное» от глыбы мрамора, вычленяет из природного «фона» соответствующую его видению «фигуру». Тысячелетиями разнообразные науки отдавали предпочтение исследованию «фигуры» (объекта), оставляя «фон» (среду существования, окружение, ситуацию, контекст в широком понимании) вне сферы своего внимания. Интерес к явлениям ситуационного плана, отчетливо проявившийся в конце XIX в. (В. М. Вундт, Д. Дьюи), начал экспоненциально расти с распространением во второй половине XX в. научных воззрений, согласно которым изучение объекта в отрыве от естественной среды его существования неспособно дать адекватное знание о природе этого объекта. Ряд наук – гуманитарных (психология, социология, философия, антропология, экономика, педагогика, лингвистика и др.), естественных (химия, биология,

медицина, география, экология и др.), точных (неевклидова геометрия, квантовая механика и др.) – принимают сегодня во внимание тот факт, что при рефлексивном освоении объекта необходимо учитывать не только его сущностные свойства, но и характеристики его экзистенциального поля.

Принцип соотнесения объекта и его окружения весьма актуален для современного языкознания. Так, он является определяющим для функциональной лингвистики, подтверждением чему служит ее понятийный аппарат, в частности, ключевые термины ее когнитивного и коммуникативного ответвлений: «концепт – домен/когнитивная модель/фрейм» (когнитивная семантика), «профиль – база» (когнитивная грамматика), «текст – ситуационный контекст» (дискурсология), «референтная ситуация – коммуникативная ситуация» (коммуникативная лингвистика) и т.д. В когнитивной лингвистике употребляемые для обозначения концептуального «фона» термины демонстрируют значительное разнообразие: это «домен», «когнитивная модель», «фрейм», «база» и т.д. В коммуникативно-ориентированных разновидностях функционализма получили распространение термины «контекст» и «ситуация», содержание которых является объектом рассмотрения в данной статье. Целью является систематизация подходов к определению дискурса в соответствии с пониманием природы ситуации, т.е. среды, частью которой является речевая деятельность.

В своем обыденном значении слова *ситуация* (*situation*) и *контекст* (*context*) являются синонимами, используемыми для обозначения окружения, среды существования объекта или совокупности обстоятельств совершения действия и отличающимися друг от друга лишь своей стилиевой принадлежностью: слово *контекст* является более формальным, чем слово *ситуация*. Как единицы терминосистемы коммуникативной лингвистики «ситуация» и «контекст» близки по своему информационному содержанию, но при этом они редко выступают как взаимозаменяемые, поскольку являются индикаторами различий в понимании природы окружения, в котором функциональные языковые знаки. Т. А. ван Дейк относит понятие контекста к числу фундаментальных, подчеркивая при этом, что уяснение его содержания требует сложных теорий, даже целых дисциплин [25, с. 4]. Это объясняется тем, что трактовка ситуации определяет понимание *дискурса* – понятия, которое играет центральную роль в мировоззрении современного человека, включающем природу смысла, деятельности, личности.

Первым в терминологический аппарат лингвистики вошло слово *контекст*. На начальной стадии процесса своего укоренения в этой сфере оно употреблялось для обозначения фрагмента текста, включающего избранную для анализа единицу, необходимого и достаточного для определения значения этой единицы, непротиворечивого

по отношению к общему смыслу данного текста [19, с. 238]. Узкому пониманию контекста соответствует определение дискурса З. Хэррисом [29] как линейной последовательности знаков, превышающей по размеру одно простое предложение. Очевидно, что такое – структуралистское по своей сути – понимание дискурса весьма далеко от современных трактовок: ему более всего соответствует содержание термина «текст». Это подтверждает и тот факт, что в первом переводе этой программной статьи З. Хэрриса на немецкий язык термин «дискурсный анализ» (discourse analysis) был заменен термином «анализ текста» (Textanalyse) [30].

В широком смысле термин «контекст» употребляется в том случае, «когда мы хотим сказать, что какое-то явление, событие или действие необходимо рассматривать в соотношении с обстановкой, в которой оно имеет место» [26, с. 4]. Такая трактовка присуща коммуникативной лингвистике и дискурсологии, в которых для обозначения «совокупности обстоятельств и последствий события» [там же] употребляются и альтернативные термины «ситуация» и «ситуативный контекст». Этой трактовке контекста соответствует понимание дискурса как речи, вписанной в коммуникативную ситуацию (ср. афористическое определение Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 137]). Рассмотрим понятие ситуации детальнее.

Известные на сегодняшний день научные определения *ситуации* можно объединить в две большие группы в соответствии с тем, как понимается ее природа. Так, ситуация может трактоваться как совокупность объективных обстоятельств, определяющих характер социальной деятельности и существующих независимо от их восприятия человеком, или как отражение этих обстоятельств в сознании индивида.

Б. Малиновский, один из первых исследователей, сделавших ситуацию предметом отдельного рассмотрения, является представителем «объективистского» подхода к ее пониманию: он определяет ситуацию как реальность окружающей среды, т.е. как нечто воспринимаемое человеком сенсорно, без вмешательства сознания [36, с. 37]. Такое понимание ситуации присуще прагматическому функционализму, где язык считается инструментом, который используется человеком в социальной деятельности. Сторонники этого взгляда на природу языка считают, что ситуацию можно описать без посредства абстракций. Очевидно, что в этом случае любая попытка дать ситуации исчерпывающее определение является утопической: по мнению современного дискурсолога Г. Кука, попытка учесть все многообразие ситуативных параметров является стремлением «описать бесконечность» [24, с. 1].

Дж. Р. Ферс, ученик Б. Малиновского, отстаивает точку зрения, согласно которой ситуация является ментальным конструктом [27, с. 97], т.е. относится к области сознания.

Первенство в понимании ситуации как продукта когнитивной деятельности субъекта принадлежит отечественному психологу Л. С. Выготскому [5]; принципы данного подхода были позднее приняты и развиты западным психологом К. Левиным [34]. Согласно этому подходу, существенна не ситуация сама по себе, взятая в абсолютных показателях, а то, как эта ситуация определяется субъектом, поскольку именно последний выбирает из своего реального физического окружения то, что является для него релевантным в данный момент. Таким образом, ситуация представляет собой абстракцию, образованную в результате ментальной обработки человеком своего опыта (сенсорного, интенционального, рационального).

Из толкования ситуации как абстракции логичным образом вытекает возможность ее моделирования, которое начинается там, где речь идет об организации и, особенно, о представлении знаний о мире [2, с. 99]. На то, что лингвист, используя понятие ситуации, имеет дело с моделью, указывает, во-первых, тот факт, что не все признаки ситуации действительности являются релевантными для коммуникантов. Следовательно, определение ситуации всегда предполагает отбор наиболее важных признаков, число которых является конечным. Во-вторых, ситуация является не произвольным, а связным множеством признаков. Эти свойства ситуации соответствуют определению модели как схематизированного конструкта, который «замещает» более сложный или трудно воспринимаемый объект [там же, с. 100].

Как отмечает Т. А. ван Дейк, на сегодняшний день не существует единой теории, которая объясняла бы внутреннее строение ситуации, несмотря на значительный объем научной литературы по проблеме моделирования ситуаций [25, с. 191]. Разнообразие подходов к определению природы ситуаций и принципам их моделирования, вполне естественно, чревато вероятностью возникновения недоразумений среди ученых.

Д. Магнуссон [35] предпринимает попытку преодолеть понятийную неопределенность, возникающую при употреблении данного термина, путем выделения различных уровней рассмотрения ситуации:

- (1) реальная ситуация в ее внешних, объективных проявлениях, как она может быть описана беспристрастным универсальным субъектом;
- (2) ситуация, как она воспринимается реальным индивидом/индивидами;
- (3) ситуационный тип в его общих, лишенных конкретности характеристиках;
- (4) широкое понимание ситуации как «жизненной ситуации».

Очевидно, что первый уровень рассмотрения соотносится с охарактеризованным выше подходом Б. Малиновского. Позиция, которую занимают современные лингвисты по отношению к такому пониманию ситуации, вполне однозначна: «лингвистике должны

быть малоинтересны данные 'беспристрастной' действительности: она рассматривает мир в модальности субъекта. Онтологией языка является не то, что обретається 'за окном', а то, что конструируется (концептуализируется) языком – а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами, – в этом законном пространстве» [16: 26].

Второй уровень ситуации относится к характеристикам отдельно взятой – актуальной – ситуации, которая рассматривается реальным наблюдателем, но словно бы со стороны. Н. В. Гришина применяет к этому уровню анализа термин «внутриситуационный» [8, с. 125].

На третьем уровне анализа внимание акцентируется на различении ситуаций, предполагающем установление черт, характерных для того или иного ситуационного типа. В отличие от «внутриситуационного» рассмотрения, считает Н. В. Гришина, этот анализ является «межситуационным» [там же].

Четвертый уровень ситуации соотносится с понятиями, используемыми в психологии и философии: «жизненным пространством», включающим «человека и его психологическую среду» [11, с. 263-266] и «жизненным миром», состоящим «из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения» [9, с. 248]. Отличительной чертой этого ракурса анализа ситуации является рассмотрение коммуникантов и коммуникативной среды как единого целого.

Комментируя свою типологию ситуаций, Д. Магнуссон [35, с. 32] подчеркивает, что одна и та же ситуация может быть рассмотрена на разных уровнях общности. Покажем это на конкретном примере. Так, некто может попытаться ввести своего собеседника в заблуждение путем произнесения высказывания, содержание которого ложно (это ситуация действительности). Как единичную ситуацию лжи/обмана ее можно квалифицировать лишь в случае ее оценки как таковой по меньшей мере одним из коммуникантов (это актуальная ситуация, воспринимаемая реальным индивидом). Как типовую ситуацию лжи / обмана ее можно рассматривать в том случае, если налицо ключевые параметры лжи: (1) говорящий произносит высказывание, содержание которого ложно; (2) он осознает, что содержание высказывания ложно; (3) он имеет намерение ввести слушающего в заблуждение относительно положения вещей, которое он полагает истинным. Как «жизненная» эта ситуация может рассматриваться при условии вхождения в нее субъекта рефлексии – концептуализатора, воспринимающего содержание высказывания, распознающего его ложность и неискренность говорящего и выносящего суждение (ЭТО ЛОЖЬ) о ситуации, в которую вовлечен и он сам. Последнее обстоятельство дает ему возможность анализировать ситуацию «изнутри», принимая во внимание многочисленные ситуативные факторы, характеризующие именно эту ситуацию

(например, пол, возраст, роли участников, характер протекания коммуникации – кооперативный/ конфликтный, серьезный / шутливый и т.д.).

Внутриситуационные модели подверглись наиболее интенсивной разработке в 70-80-х гг. XX века. Именно в тот период были созданы модели ситуации [21, с. 11-17; 23, с. 35-36; 28, с. 65, 117-120; 31, с. 60-65; 37, с. 94-98], на которые и сегодня продолжают ссылаться ученые. По своему характеру эти модели ситуации являются статическими, т.к. они являются своего рода «стоп-кадром», представляя ситуацию как застывшее изображение. Этому пониманию ситуации соответствует определение *дискурса* как интерпретируемого реципиентом результата коммуникативной деятельности (устной или письменной) – текста, т.е. статичного объекта, по отношению к которому ситуация рассматривается как нечто внешнее. Иными словами, это определенный способ говорения в конкретной ситуации.

Межситуационным статичным моделям соответствует иное понимание *дискурса* – как «совокупности текстов», где объединяющим принципом выступает коммуникативное своеобразие субъекта социального действия. Описания дискурса в этом ключе предполагают ответ на вопрос «чей / какой дискурс?» (например, Барака Обамы, родительский, спортивный, патриотический, политический, терапевтический, религиозный, юридический и т.п.). Критерии выделения типов дискурса, понимаемого как совокупность текстов, обычный способ говорения в типовой ситуации, выделенной по определенному критерию / критериям, систематизированы в ряде работ [3; 7; 20 и др.].

В отличие от статических, динамические модели ситуации, которые являются наиболее адекватными для описания «жизненной ситуации», представляют события так, будто бы они разворачиваются во времени / пространстве, где одна сцена следует за другой. Изменчивость, собственно говоря, внутренне присуща любой ситуации, о чем, в частности, свидетельствует этимология самого слова *ситуация (situation)*, которое восходит к лат. *situs* (положение, сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку). Обращает на себя внимание наличие в значении этимона сем «темпоральность» (слово *создающих* предполагает временность, непостоянство обстановки) и «связность» (на нее указывает слово-идентификатор *сочетание*). Как подчеркивает Н. М. Солодухо, ситуация, как правило, «организуется <...> группой факторов и связей, в которых, в зависимости от того или иного временного периода, может оказаться преобладающим какой-то один из видов связей, либо доминирующую роль будут играть целые группы факторов и связей или отношений» [17, с. 86]. Иными словами, ситуация по своей природе является изменчивой, динамичной, а ее «полифакторный»

характер, формируемость на основе случайных связей между ее компонентами, препятствует выстраиванию устойчивых закономерностей [там же].

Разновидностями динамических моделей ситуации являются скрипт и сценарий [38, с. 63], сценарный фрейм [13, с. 81], динамическая когнитивная структура [10, с. 46], фазовая [14] и ризомная [15] модели коммуникативной ситуации. Отличительной особенностью динамических моделей ситуации является то, что в число факторов, составляющих ситуацию, включается и сам выделенный объект, который предстает как органическая часть среды. *Пониманию ситуации в динамическом ключе* соответствует трактовка *дискурса* как комплексного коммуникативного события, происходящего между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в определенном пространственно-временном и проч. контексте. Здесь акцентируется интерактивный, процессуальный, динамический характер использования языка, который, образно говоря, предполагает создание «объектива», сквозь который коммуниканты вместе смотрят на мир [32, с. 145]. То, что оказывается в фокусе их внимания, является референтной ситуацией, а то, что находится за пределами «объектива» – коммуникативной.

Термины, которые используют ученые, проводящие такое разграничение, демонстрируют значительное разнообразие. Так, А. А. Леонтьев выделяет ситуацию общения и ситуацию-тему [12, с. 162], В. Г. Гак размежевывает речевую и предметную ситуации [6, с. 8], Г. И. Богин разграничивает ситуацию коммуникации и умственной деятельности [4, с. 146-147] и т.д. Для обозначения ситуации, в которой происходит общение, мы употребляем термин «коммуникативная ситуация», а к ситуации, являющейся предметом разговора, применяем термин «референтная ситуация». Референтная ситуация представлена в высказывании эксплицитно, а коммуникативная ситуация – имплицитно, проявляясь в отборе языковых средств и влияя на него.

Поскольку сама коммуникация также является феноменом действительности, то «объектив» может быть наведен на тот или иной аспект коммуникативного взаимодействия, что является особой разновидностью фокусирования внимания коммуникантов [32, с. 144]. Это является основанием для разграничения таких разновидностей референтной ситуации, как предметная и метакоммуникативная. Последний вид референтной ситуации является важным источником сведений об особенностях процесса коммуникативного взаимодействия, тогда как первая разновидность референтной ситуации несет соответствующую информацию в значительно меньшем объеме. В частности, то, что оказывается в фокусе внимания продуцента высказывания, является косвенным указанием на его когнитивное и эмоциональное состояние, мотивы, цели и т.д.

Коммуникативная ситуация определяется, прежде всего, тем, что говорящий (Я) и слушающий (ТЫ) находятся в определенном месте (ЗДЕСЬ) и времени (СЕЙЧАС) и связаны коммуникативными отношениями, т.е. обмениваются сообщениями. Совокупность этих элементов коммуникации – речевого события (высказывания), говорящего, слушающего и непосредственных обстоятельств их взаимодействия (места и времени) – в когнитивной лингвистике обозначается термином «грунт» (*ground*) [33, с. 145], а осуществляемый коммуникантами процесс соотнесения содержания языковой единицы с ключевыми координатами коммуникативной ситуации (Я-ТЫ-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС) – «грунтованием» (*grounding*) [22, с. xi]. Очевидно, что по своему содержанию термин «грунт» является эквивалентом термина «коммуникативная ситуация», но при этом несет на себе отпечаток «когнитивной идеологии». В свою очередь «грунтование» – это «предикативность» в расширенном толковании, поскольку когнитивисты считают, что способность «грунтоваться» свойственна не только предикативным единицам, но и словосочетаниям и отдельным словам.

Подводя итоги, отметим, что на языковое оформление высказываний влияет не непосредственно ситуация действительности, а то, какие характеристики последней считают релевантными участники коммуникативного взаимодействия. Модели ситуации представляют собой способ упорядочения этих свойств, которые являются преимущественно домысливаемыми интерпретатором. Следовательно, модели ситуаций и их составляющие – это социальные конструкты, обладающие разной степени релевантности для разных лиц и при разных обстоятельствах.

Ситуация может рассматриваться как единичная, воспринимаемая конкретным индивидом; этому случаю соответствует понимание дискурса как конкретного текста в ситуативном контексте факторов его порождения, т.е. как статичного результата коммуникативной деятельности человека. Трактовке ситуации как типа соответствует понимание дискурса как обычного способа говорения в типовых обстоятельствах, т.е. здесь речь идет об обобщенном статичном результате коммуникации.

Восприятие, интерпретация и оценка индивидом ситуации определяется целостной системой его представлений о мире, принять во внимание которую оптимальным образом дают возможность динамические модели ситуации, соответствующие деятельностному пониманию дискурса как коммуникативного события в совокупности всех сопутствующих факторов, которые представляются интерпретатору релевантными. Человек определяет ситуацию, одновременно определяя себя в ней: личность сама конструирует мир в котором она обретает реальность бытия.

Литература: 1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклоп., 1990. — С. 136—137. 2. Беляевская Е. Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) / Е. Г. Беляевская // Принципы и методы когнитивных исследований языка : Сб. науч. тр. — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 98—110. 3. Белова А. Д. Поняття “стиль”, “жанр”, “дискурс”, “текст” у сучасній лінгвістиці / А. Д. Белова // Вісник Київського національного університету. Іноземна філологія. — 2002. — Вип. 32—33. — С. 11—14. 4. Богин Г. И. Явное и неявное смыслообразование при культурной рецепции текста / Г. И. Богин // Русское слово в языке, тексте и культурной среде: Сб. науч. ст. — Екатеринбург: Арго, 1997. — С. 146—164. 5. Выготский Л. С. Детская психология / Л. С. Выготский. — Собр. Соч., т. 4. — М. : Педагогика, 1984. — 432 с. 6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: синтаксис : Учебник / В. Г. Гак. — М. : Высш. шк., 1981. — 208 с. 7. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. — 288 с. 8. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций / Н. В. Гришина // Вопросы психологи. — 1997. — № 1. — С. 121—132. 9. Гуссерль Э. Картезианские размышления: Пер. с нем. / Э. Гуссерль. — Минск : Харвест, 2000. — 750 с. 10. Иванова С. В., Артемова О. Е. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра “лимерик” / С. В. Иванова, О. В. Артемова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — №3. — С. 46—52. 11. Левин К. Теория поля в социальных науках : Пер. с англ. / К. Левин. — СПб. : Сенсор, 2000. — 368 с. 12. Леонтьев А. А. Психолінгвістическіє єдіниці і породженіє речевого высказывания / А. А. Леонтьев. — М.: Эдиториал УРСС, 2003. — 307 с. 13. Минский М. Фреймы для представления знаний : Пер. с англ. / М. Минский. — М. : Энергия, 1979. — 152 с. 14. Морозова О. І. Модель розвитку комунікативної ситуації неправди / О. І. Морозова // Вісник Харківського національного університету. Серія Романо-германська філологія. — 2007. — №773. — С. 16—19. 15. Морозова О. І. Діяльнісний стиль мислення у лінгвістичних дослідженнях / О. І. Морозова // Вісник Харківського національного університету. Серія Романо-германська філологія. — 2008. — №811. — С. 41—45. 16. Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. — 1998. — №5. — С. 24—51. 17. Солодухо Н. М. Методология ситуационного подхода в научном познании / Н. М. Солодухо // Фундаментальные исследования. — 2005. — №8. — С. 86—87. 18. Солодухо Н. М. Манифест ситуационного движения / Н. М. Солодухо // Фундаментальные исследования. — 2005. — №8. — С. 87—88. 19. Торсуева И. Г.

Контекст / И. Г. Торусуева // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклоп., 1990. — С. 238—239. 20. Шевченко І.С., Морозова О.І. Проблеми типології дискурсу // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Л.Р.Безугла, Є.В.Бондаренко, П.М.Донець та ін.; Під загальн. ред. І.С.Шевченко. — Харків: Константа, 2005. — С. 233—236. 21. Argyle M., Furnham A., Graham J. A. Social Situations / M. Argyle, A. Furnham, J. A. Graham. — Cambridge : CUP, 1981. — 453 p. 22. Brisard F. Introduction: The epistemic basis of deixis and reference / F. Brisard // *Grounding: The Epistemic of Deixis and Reference*. — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. — P. xi—xvi. 23. Brown P., Fraser C. Speech as a marker of situation / P. Brown, C. Fraser // *Social Markers in Speech*. — Cambridge : CUP, 1979. — P. 33—62. 24. Cook G. Transcribing infinity: Problems of context presentation / G. Cook // *Journal of Pragmatics*. — 1990. — Vol. 14, №1. — P. 1—24. 25. Dijk T.A., van. Cognitive context models and discourse / T. A. van Dijk // *Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness*. — Amsterdam : Benjamins, 1997. — P. 189—226. 26. Dijk T.A., van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach / T. A. van Dijk. — New York : Cambridge University Press, 2008. — 267 p. 27. Firth J. R. Ethnographic analysis and language in reference to Malinowsky's views / J. R. Firth // *Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowsky*. — L. : Routledge and Kegan Paul, 1957. — P. 93—118. 28. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic : The Social Interpretation of Language and Meaning / M. A.K. Halliday. — L. : Arnold, 1978. — 260 p. 29. Harris Z.S. Discourse Analysis / Z.S.Harris // *Language*. — 1952. — Vol. 28, No1. — P. 1—30. 30. Harris Z.S. Textanalyse / Z. S. Harris // *Beschreibungsmethoden des amerikanischen Strukturalismus* / Ed. E. Bense, P. Eisenberg, H. Haberland. — München: Hueber, 1975. — S. 261—298. 31. Hymes D. Models of the interaction of language and social life / D. Hymes // *Directions in Sociolinguistics : The Ethnography of Communication*. — N.Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1972. — P. 35—71. 32. Langacker R. W. A usage-based model / R. W. Langacker // *Topics in Cognitive Linguistics*. — Amsterdam: Benjamins, 1988. — P. 127—161. 33. Langacker R. W. Discourse in cognitive grammar / R. W. Langacker // *Cognitive Linguistics*. — 2001. — Vol. 12, №2. — P. 143—188. 34. Lewin K. Principles of Topological Psychology / K. Lewin. — N.Y., L. : McGraw Hill, 1936. — 231 p. 35. Magnusson D. Wanted: A Psychology of Situations / D. Magnusson // *Towards a Psychology of Situations : An Interactional Perspective*. — Hillsdale (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 1981. — P. 9—36. 36. Malinowsky B. An ethnographic theory of language / B. Malinowsky // B. Malinowsky. *Coral Gardens and Their Magic*. Vol. II, Part IV. — L. : Allen and Unwin, 1935. — P. 4—74. 37. Parret H. Contexts of Understanding / H. Parret. — Amsterdam : Benjamins, 1980. — 109 p. 38. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, Plans, Goals,

and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures / R. C. Schank, R. P. Abelson.
— Hillsdale (NJ) : Laurence Erlbaum Associates, 1977. — 248 p.